

RU

Гилозоистическое содержание определения материи в советской философии

Свергузов А. Т.

Аннотация. Цель исследования – выявление онтологического содержания определения материи в советской философии, специфики материалистичности советского определения. В статье ставится проблема необходимости отказа в онтологии от привязки категории материи к категории сознания, характерной для советской философии. Дело в том, что сущностью содержания официального определения материи в советский период является отношение материи и сознания. Научная новизна исследования заключается в развитии онтологического подхода к материи, который в советской философии не был доведен до логического конца. Представители онтологического подхода оказались не в состоянии вырваться за рамки официального гносеологического подхода к материи. Результатом исследования является экспликация гилозоистического содержания советского определения материи. Утверждается, что гилозоистический контекст является следствием субстанциализации категории «объективная реальность». В качестве перспективы дальнейшего исследования предлагается поиск онтологического определения материи не в плоскости гносеологической взаимосвязи материи и сознания, а в плоскости взаимосвязи материи непосредственно с онтологическими категориями бытия и небытия.

EN

The hylozoistic content of the definition of matter in Soviet philosophy

A. T. Sverguзов

Abstract. The purpose of the study is to identify the ontological content of the definition of matter in Soviet philosophy and the specific nature of the materialist character of the Soviet definition. The article addresses the problem of the need to abandon, within ontology, the coupling of the category of matter to the category of consciousness, which was characteristic of Soviet philosophy. The fact is that the core content of the official definition of matter during the Soviet period is the relationship between matter and consciousness. The scientific novelty of the study lies in developing an ontological approach to matter that was not brought to its logical conclusion in Soviet philosophy. Representatives of the ontological approach proved unable to break out of the framework of the official epistemological approach to matter. The result of the study is the explication of the hylozoistic content of the Soviet definition of matter. It is argued that the hylozoistic context is a consequence of the substantialization of the category of “objective reality”. As a prospect for further research, the study proposes searching for an ontological definition of matter not within the domain of the epistemological interconnection between matter and consciousness, but within the domain of the direct interconnection between matter and the fundamental ontological categories of being and non-being.

Введение

Актуальность данного исследования обусловлена отсутствием в материализме общепринятого онтологического определения материи. Кроме того, актуальность вызвана тем, что в настоящее время отмечается интерес к материалистической философии. По выражению А. С. Емельянова, происходит «ренессанс материализма» (2024, с. 22). Однако этот интерес носит скорее гносеологический, односторонний характер, так как не затрагивает онтологию.

В современной философии является распространенным рассматривать материализм в рамках «реализма», продвигающего, по сути, гносеологическую повестку, о чем свидетельствует проблематика публикаций (Перспективы реализма..., 2017). Здесь материализм трактуется как вариант реализма. Сам реализм преподносится как одно из «центральных понятий» современной философии (Бажанов, Кудряшова, 2019, с. 122). В центре его внимания находится не столько онтологическая проблема существования материи, сколько проблема «координации материи и сознания» (Кралечкин, 2013; Ламашкин, 2018; Мейясу, 2015; Badiou, 2009;

Cohen, 2017), имеющая гносеологический характер. Категория «материя» подменяется недостаточно определенным для онтологии понятием «реальность». Как результат, есть основания утверждать о несамостоятельности отечественной онтологии в целом (Свергузов, 2026).

Можно предположить, что реализму принципиальным образом должна противостоять советская форма материализма. Однако это проблематично, так как центральная категория материализма «материя» в советской философии трактуется как «объективная реальность», т. е. определяется через категорию «сознание». Такой подход вполне вписывается в рамки реализма, подпитывая его претензии на всеобщность.

Советская форма диалектического материализма оказалась не в состоянии выработать самостоятельную онтологию. Эта проблема, ставшая традиционной, остается актуальной для отечественной философии и в настоящее время.

Для достижения цели исследования предполагается решить следующие задачи: сравнение противостоящих друг другу онтологического и гносеологического подходов к материи и правомерность отождествления категорий «материя» и «объективная реальность». Действительно, в гносеологическом подходе, выражающем официальную точку зрения в советской философии, понятие «объективная реальность» стало синонимом категории материи как результат онтологизации ленинского гносеологического определения материи. Напомним, что в книге В. И. Ленина основой двух вариантов определения материи является утверждение «материя обозначает (означает) объективную реальность» (1984, с. 125, с. 256).

В данной статье подчеркивается необходимость отказа в материалистической онтологии от привязки категории материи к категории сознания. В такой форме проблема возникла уже в советской философии, где происходила борьба онтологического и гносеологического подходов к материи. Официально победила гносеологическая концепция. Однако проблема актуальна для материалистического мировоззрения и в настоящее время. Слабость онтологического подхода означает слабость, уязвимость материалистического мировоззрения в целом, его методологическую недостаточность для анализа различных научных проблем.

Методом исследования является диалектико-материалистический подход, позволяющий выявить негативный характер влияния гносеологического подхода на материализм в целом. Специфика анализа проблемы заключается в трактовке онтологизации диалектики материи и сознания, лежащей в основе советского понимания материи, как ошибочной для онтологии.

Несмотря на внешнюю кажущуюся законченность советской философии, определение материи – одна из нерешенных проблем диалектического материализма, подрывающая материализм изнутри. Такую постановку вопроса – сомнение в «ленинском» определении материи – нельзя считать маргинальной, не вписывающейся в «монолитную» советскую философию. Она является распространенной для советского периода.

«Объективная реальность» официально стала определять содержание категории материи и изменила онтологию материализма. Однако к этому В. И. Ленин не является причастным. Строго говоря, нельзя считать синонимами «советское» и «ленинское» определение материи. Следует обратить внимание на то, что отношение В. И. Ленина к материи не ограничивается работой «Материализм и эмпириокритицизм», которая стала основой советского гносеологического понимания материи. В другой работе – «Философские тетради» – В. И. Ленин проявляет интерес к взаимосвязи бытия и небытия, имеющей онтологический характер и указывающей путь решения проблемы онтологического определения материи (Свергузов, 2025).

Если интересоваться онтологическими проблемами материализма, то следует начать с онтологической критики официального материализма в самой советской философии. Центральной темой дискуссии тогда была онтологичность определения материи. Борьба происходила между господствующим официальным, по сути, гносеологическим подходом и оппозиционным онтологическим. Противостояние этих подходов не является надуманным и не было навязано «второстепенными», как может показаться, философами, так как отражено в советской академической литературе (Солопов, 1971; Кучевский, 1983). И было по инерции продолжено в постсоветской философии в работах того же Е. Ф. Солопова (2003, с. 80), В. В. Орлова (2011), Д. В. Пивоварова (2020). По утверждению последнего, материализм XX века представляет собой «информационно-гносеологический подход, согласно которому материя есть объективная реальность, непосредственно копируемая человеческим сознанием» (Пивоваров, 2020, с. 8).

Теоретическую базу исследования составляют монографии советского и постсоветского периодов (Кучевский, 1983; Босенко, 2001), в которых рассматривается противостояние онтологического и гносеологического подходов к материи (Свергузов, 2022), а также современные работы, анализирующие проблемы реализма (Перспективы реализма..., 2017; Бажанов, Кудряшова, 2019).

В советской философии основной причиной противостояния подходов к материи, которое на неофициальном уровне не успело разрешиться и было прервано распадом СССР, стала проблема онтологического определения материи. Суть проблемы проста: можно ли дать определение материи самой по себе. Например, В. П. Тугаринов и А. П. Шептулин указывали на то, что в сфере онтологии материя не должна быть привязана к сознанию. Когда утверждаем, что материя, природа представляет собой объективную реальность, то «из понятия природы исключается сознание» (Тугаринов, 1988, с. 102). Более определенное выразился А. П. Шептулин: материя существует до и после сознания, поэтому «при определении материи мы не вправе ограничиваться установлением ее отношения к сознанию» (1967, с. 105). Если следовать этой логике до конца, то категорию материи нельзя подменять категорией «объективная реальность». Однако в таком виде проблема не могла быть сформулирована по идеологическим соображениям, и путь к ее решению оказался предельно запутанным. Онтологический подход в конечном итоге исчерпал свой потенциал. Объяснить это можно также отсутствием логической последовательности в решении проблемы. Сторонники онтологического подхода

не смогли либо отказаться от гносеологического определения материи (ярким примером является подход Е. Ф. Солопова), либо включить категорию небытия в систему материалистических категорий (например, В. П. Тугаринов), либо преодолеть идею совместить в определении материи категорию небытия с категорией сознания (В. А. Босенко).

Практическая значимость исследования заключается в утверждении реальной возможности реформирования материалистической онтологии, о котором говорили в разном контексте многие философы (Борисов, 1998; Босенко, 2001; Орлов, 2011). Ключевым моментом этой реформы является онтологическое определение категории материи. С этой целью делается акцент на специфическом аспекте проблемы официального определения материи в советской философии, который среди материалистов остался незамеченным. Имеется в виду гилозоистическое содержание категории «объективная реальность», которое было перенесено на категорию материи. В советской философии эта проблема не могла быть обозначена по идеологическим соображениям, но в современной философии это ограничение отсутствует. Добавим, что понятие «гилозоизм» в данной работе используется в традиционном смысле – как учение о всеобщей одушевленности материи.

Обсуждение и результаты

Когда советские философы переворачивали Г. Гегеля «с головы на ноги», по известному выражению К. Маркса (1952, с. 19), и «выкидывали боженьку», выражаясь словами В. И. Ленина (1990, с. 79), они, ошибочно оставили гносеологическое противоречие бытия и мышления в качестве исходного для онтологии и неправомерно «выкинули» онтологическое противоречие бытия и небытия, которому присвоили статус идеалистического. Причем, лишь одна сторона этого противоречия стала считаться идеалистической и даже бессмысленной, ненаучной – категория небытия. Такое недиалектическое отношение до сих пор встречается. А другая сторона – категория бытия – наоборот, стала считаться фундаментальной и, более того, синонимом категории материи (Свергузов, 2025).

О необходимости вернуть категорию небытия в онтологию говорили многие философы (Босенко, 2001; Казеннов, 2011). При этом они опирались на работу В. И. Ленина «Философские тетради», которая в советский период не могла не считаться фундаментальной, но в этом аспекте официально была проигнорирована. Однако на неофициальном уровне противоречие бытия и небытия в советской онтологии не отрицалось (Свергузов, 2025).

Вершиной критики традиционного диалектического материализма среди советских и постсоветских философов-онтологов можно считать Е. Ф. Солопова. Он утверждал, что для официальной советской философии характерен «отказ от онтологии» (Солопов, 2003, с. 80). Однако, Е. Ф. Солопов перечеркивал свои утверждения, парадоксально заявляя, что советское определение материи является не только гносеологическим, но и «предельно общим» с онтологической точки зрения (2003, с. 240). Это свидетельствует о том, что советские философы оказались не в состоянии вырваться за рамки навязанного в онтологии противоречия бытия и мышления. Другими словами, не смогли отделить категорию материи от категории сознания. Как результат, советская форма материализма приобрела гилозоистическое содержание и гносеологическую форму. В советской философии определение материи через противопоставление материи сознанию объяснялось тем, что это самые общие категории, которые нельзя подвести под другие. Однако если с категорией материи это очевидно, то категорию сознания нельзя считать общей онтологической категорией, так как это продукт (высокоорганизованной) материи. Поэтому сознание следует исключить из системы всеобщих онтологических категорий, как это делалось в официальной советской философии.

Гилозоистический контекст советского понимания материи можно продемонстрировать на примере монографии В. Б. Кучевского «Анализ категории "материя"», изданной под эгидой Академии наук СССР (1983). Гилозоистическое содержание является следствием субстанциализации категории «объективная реальность». «Единство материальных вещей заключается... в их отношении к сознанию...» (Кучевский, 1983, с. 226-227). Внутренний стержень всего существующего заключается «в реализации отношения материального к идеальному» (Кучевский, 1983, с. 227). Здесь официальная точка зрения явно носит характер гилозоизма. Подобная логика предполагает закономерный вопрос, который в конечном итоге нельзя игнорировать: является ли идеальное атрибутом материи? Такой гносеологический подход естественным образом дает повод сомневаться в советской философии как строгой форме материализма, а не компромиссной с идеализмом форме гилозоизма. Наличие данного содержания мировоззренчески означает «нестрогость», неубедительность советской формы диалектического материализма и во многом объясняет его «немодность» в постсоветской философии.

Гилозоизм фактически размывает границы материалистического мировоззрения. Примеры, к чему приводит такой подход, когда исчезает цензура, можно найти в постсоветской литературе. Так, в рекомендованных Министерством образования России учебниках известные советские философы А. Г. Спиркин, а также П. В. Алексеев и А. В. Панин пишут следующее: материализм «не в состоянии ответить на вопрос: кто так мудро формирует все и вся и осуществляет регулятивную функцию»; «материализм не совместим с признанием объективной целесообразности в мире, а это неоспоримый факт в бытии сущего» (Спиркин, 2002, с. 8); «сознание вечно, как и материя» (Алексеев, Панин, 2005, с. 437).

Может показаться, что подобные заключения противоречат официальной советской точке зрения. Однако это не так. Достаточно сравнить: «движение есть способ существования материи... как процесс разрешения составляющего сущность материи противоречия бытия и мышления» (Кучевский, 1983, с. 228). Таким образом, советская «материалистическая» логика с присущим материи потенциальным сознанием есть закономерный

результат онтологизации ленинского гносеологического определения материи и, как следствие, редукции категории «материя» к понятию «объективная реальность».

Однако подобная логика является следствием неполной или упрощенной интерпретации теоретического наследия В. И. Ленина. Его нельзя считать основоположником официального подхода, основывающегося на «Материализме и эмпириокритицизме». Подход сформировался без его участия. Кроме того, в СССР, начиная с 1933 года (Ленин, 1990, с. III), выходит не предназначенный автором для публикации сборник конспектов «Философские тетради». Учитывая отношение к В. И. Ленину в СССР, эту работу могли бы использовать при разработке официального определения материи. Дело в том, что, если в «Материализме и эмпириокритицизме» наблюдаем гносеологический анализ материи, то «Философские тетради» содержат идеи онтологического подхода к материи (Свергузов, 2025).

Утвердившийся в советской философии гносеологический подход не должен быть основным для материализма, в том числе и для советской его формы. Развитие гносеологического подхода может увести в сторону даже от центрального для советской философии понятия «объективная реальность». Например, в современной философии можно найти критику «Материализма и эмпириокритицизма» уже в гносеологическом духе. Остановимся на этом примере подробнее. Во-первых: «Начнем с констатации того факта, что единственное философское произведение В. И. Ленина "Материализм и эмпириокритицизм"» (Брянник, 2020, с. 38). Однако, как говорилось выше, для советской философии это не совсем так. В институте философии АН СССР даже предлагалось развитие марксизма на основе «Философских тетрадей». Предполагалось, что фрагменты этой работы «указывают пути дальнейшего развития диалектического и исторического материализма» (Ленин, 1990, с. III-IV).

Во-вторых, автор критики не считает В. И. Ленина способным понять научную революцию в физике, «поскольку он не специалист в области философии науки» (Брянник, 2020, с. 44). В. И. Ленин «мировоззренчески остается в картине мира классической науки. Материя для Ленина, по сути, есть вещество, некая субстанция, носительница свойств и отношений (движения, пространства, времени и др.). Но к началу XX столетия ученые пересматривают это положение – отождествление материи только с такой ее физической разновидностью, как вещество» (Брянник, 2020, с. 43). Заметим, что нельзя смешивать онтологические категории «субстрат» и «субстанция». Например, физическое понятие «вещество» относится к субстратному уровню понимания материи. Кроме того, смысл «Материализма и эмпириокритицизма» как раз в том, что В. И. Ленин требует отказаться от классического, т. е. субстратного понимания материи, в том числе отождествления материи с веществом.

В-третьих, здесь речь идет о якобы зависимости результата физического опыта от наблюдателя. Это уже непосредственно относится к критике в гносеологическом духе. «В опытах квантовой физики нельзя однозначно развести наблюдателя / субъект и наблюдаемое / объект; разделительная линия между ними исчезает...» (Брянник, 2020, с. 42). Эта ошибочная трактовка транслируется в отечественной философии несколько десятилетий. Еще в советской философии можно найти мысль, что «квантовая логика появляется вовсе не как логика квантовых объектов, не зависящих от субъекта» (Панченко, 1988, с. 145). Возразим, что в физике есть понятия «прибор» и «система отсчета», которые нет необходимости подменять понятием «наблюдатель / субъект». Напомним, что среди критериев научности существует «брита Оккама» («критерий простоты», в просторечии). Смысл его прост: при описании объекта следует использовать минимум понятий. Указанная трактовка явно носит гносеологический характер с идеалистическим контекстом. Объективнее позиция А. И. Липкина, утверждавшего, что «квантовая механика столь же объективна, как классическая механика» (Философия науки, 2007, с. 389).

Таким образом, необходимо актуализировать, по образному выражению В. Н. Борисова (1998), проблему «обновления материализма», ключевым элементом которой является определение материи. Следует исключить из онтологии категорию «сознание» во всех его проявлениях: и актуально, и потенциально. Необходимо вернуть противоречию бытия и мышления статус гносеологического. Утверждение «субстанция характеризует единство всех форм движения» нельзя трактовать гносеологически, когда субстанция включает в качестве своего атрибута социальную форму движения материи. Следует вернуться к исходным диалектическим принципам понимания движения, сформулированным Ф. Энгельсом: нельзя наделять низшие формы движения свойствами высших. Субстанция не развертывает «с неизбежностью» свое содержание от низших форм движения к высшим. Необходимо освободить трактовку субстанции и материи от идеалистического по своей сути принципа телеологизма (целесообразности). Как у естественного отбора не было цели создать человека, так и у субстанции нет цели произвести сознание. Нет необходимости на всех уровнях развития материи видеть противоречие материи и сознания.

В советском диалектическом материализме возобладали гносеологическая методология решения онтологических проблем. Материализм в области онтологии должен обратиться к онтологическим настройкам, чтобы избавиться от сопровождающего гносеологический подход гилозоистического содержания. Необходимо размежевать онтологию и гносеологию. Для этого следует отказаться от онтологизации центральной категории гносеологической парадигмы «объективная реальность». Об этом в советский период сторонники онтологического подхода не могли говорить, ограничиваясь утверждением, что ленинское определение является гносеологическим.

В традиционном диалектическом материализме последовательно гносеологизировались, вслед за материей, все онтологические категории. Например, В. Б. Кучевский (1983, с. 227) называет не только материю, но и движение «онтолого-гносеологическими» категориями. Здесь наблюдаем своеобразный механизм переноса гносеологического содержания категории «объективная реальность» на другие категории. Предполагается, таким образом, что все онтологические категории, включая субстанцию, характеризуются отношением к со-

знанию. Вот что, например, писал Э. В. Ильенков: субстанция – «объективная реальность в аспекте внутреннего единства всех форм ее саморазвития, всего многообразия явлений природы и истории, включая человека и его сознание...» (2001, с. 546). «В понятии субстанции материя отражена не в аспекте ее противоположности сознанию, а со стороны внутреннего единства всех форм ее движения, всех различий и противоположностей, включая и противоположность бытия и сознания» (Ильенков, 2001, с. 546).

Показателен пример гносеологической логики, когда в категории «материя» все множество объектов реальности сводится к «общему свойству» – существовать независимо от человеческого сознания. «Согласно позиции Ленина, материя – это философская категория, которая обозначает лишь единственное всеобщее свойство вещей и явлений – быть объективной реальностью; данное понятие может быть определено не иначе, как только через отношение материи к сознанию: понятие материи "не означает гносеологически ничего иного, кроме как: объективная реальность, существующая независимо от человеческого сознания и отображаемая им"» (Барковская, 1998, с. 408-409). Характерно, что здесь выражение В. И. Ленина «гносеологически ничего иного» (1984, с. 256), которое не вписывается в эту логику, традиционно игнорируется.

Заметим, что в работе «Материализм и эмпириокритицизм» В. И. Ленин не употребляет характеристику «онтологический». Поэтому онтологизация ленинского определения не является необходимым развитием основ диалектического материализма и дискуссия по поводу онтологичности этого определения носит идеологический характер. Инерция советского диалектического материализма настолько сильна, что большинство философов, признающих гносеологичность ленинского определения материи, не могут полностью дистанцироваться от подобной логики. Наглядный пример есть в постсоветской философии. В. Н. Борисов не смог выйти за рамки гносеологического подхода, хотя и критиковал его. С одной стороны, он считал, что определение материи как объективной реальности является «чисто гносеологическим» (Борисов, 1998, с. 8). С другой стороны, вместо поиска определения материи самой по себе, он предлагал поиск определения по-прежнему в привязке к сознанию: необходимо сформулировать «субстратное понимание материи как носителя сознания» (Борисов, 1998, с. 9).

Подобная гносеологическая ловушка для онтологического подхода, при которой содержание материи бесконечно вращается вокруг сознания, представляет собой тупиковый путь развития, подтверждающий гносеологический характер диалектического материализма советского периода. Категория сознания практически употребляется в смысле атрибута материи. Нужно, наконец-то, очистить содержание материи от категории сознания. В определении материи должны присутствовать только онтологические категории.

Подчеркнем, что через категорию «объективная реальность» категория «сознание» переносится в содержание материи. Для наглядности еще раз проследим эту логическую процедуру. С одной стороны, шаг вперед: «сказать, что материя – это объективная реальность, что она находится в определенном отношении к сознанию недостаточно ни для полного теоретического понимания ее как сущности бытия...» (Кучевский, 1983, с. 104). С другой стороны, шаг назад: «сознание и есть бытие материи через другое, опосредованное существование последней. Онтологическое противоречие "вещь-отношение" возводится как бы в форму гносеологического противоречия "материя-сознание"» (Кучевский, 1983, с. 115). Здесь наблюдаем искусственность данной логики: гносеологическое противоречие возводится в форму онтологического. При помощи категории "материя" «на уровне теоретической мысли схватывается соотношение противоположностей бытия и мышления» (Кучевский, 1983, с. 119).

В конечном итоге, советская философия пришла к выводу, что отношение бытия и сознания есть сущность материи, «первое определение» материи (Кучевский, 1983, с. 244). Возразим на это цитатой из работы В. И. Ленина, на которого должна опираться советская философия. «Пределы абсолютной необходимости и абсолютной истинности этого относительного противопоставления суть именно те пределы, которые определяют направление гносеологических исследований. За этими пределами оперировать с противоположностью материи и духа, физического и психического, как с абсолютной противоположностью, было бы громадной ошибкой» (Ленин, 1984, с. 241). Как видим, здесь «противоположность материи и духа» ограничивается рамками гносеологических исследований. Перенос этой противоположности в онтологию называется «громадной ошибкой».

Онтологизация ленинского определения материи превратилась в «законную» лазейку для гилозоистического мировоззрения. Это результат развития гносеологического подхода к материи. Еще одним показательным примером является аргументация И. Ф. Зубкова: «В. И. Ленин делает совершенно неприемлемую для метафизического материализма логическую операцию – он отождествляет материю с ее противоположностью, с сознанием: материя есть философская категория... Но в то же время материя есть нечто противостоящее и противоположное сознанию (ощущению). Она есть предметное бытие, "объективная реальность". Следовательно, материя есть и продукт сознания (как философская категория, как абстракция), и предметное бытие, независимое от сознания и порождающее его» (1990, с. 58). Здесь наблюдаем искаженное единство онтологии с гносеологией, когда онтологические утверждения механически смешиваются с гносеологическими. В результате гносеологическим утверждениям придается онтологическая, а онтологическим категориям – гилозоистическая окраска. Это наблюдается по выражениям типа «неприемлемое для метафизического материализма отождествление материи и сознания», «материя и продукт сознания, и порождает сознание». Можно возразить, что эти утверждения вырваны из контекста. Тем не менее, очевидно, что подобная «схоластика» доводит материалистическую логику до абсурда.

В явном виде гилозоистическая позиция выражена в постсоветской литературе у авторитетных в СССР философов. «Признание потенциального и актуального сознания в масштабе всей природы приводит к выводу: сознание вечно. Сознание вечно, как и материя. Поскольку кроме материи ничего более нет, а материя включает в себя (актуально и потенциально) сознание, дух, постольку "материя духовна", "материя одухотворена"». Далее они утверждают, что в их подходе «нет никакого пантеизма, как нет и идеализма» (Алексеев,

Панин, 2005, с. 437), т. е. косвенно признаются в противоречивости своей позиции. Очевидно, что при таком подходе от сомнений в материалистичности диалектического материализма избавиться проблематично.

Некоторые материалисты являются, говоря языком Ф. Энгельса и В. И. Ленина, «стыдливými материалистами» (Ленин, 1984, с. 288). К сожалению, «хитросплетения» советской философии не могут не отражаться на мировоззрении. Материалист, стоящий на официальных для советской онтологии позициях, вынужден постоянно рефлексировать, убеждать себя в том, что он не гилозоист или пантеист. Действительно, если сущность материи определять через отношение бытия к сознанию, онтологизировать это отношение, считать отношение материи к сознанию атрибутом материи, то эту логику сторонники идеализма могут трактовать в идеалистическом смысле. Утверждать, например, что «материализм – это скрытая форма пантеизма, т. е. имперсональная религия» (Курашов, 2007, с. 323).

Можно попытаться онтологизировать не непосредственно «отношение сознания к материи», а то онтологическое отношение, развитие которого приводит к возникновению отношения материи и сознания. Материя «есть то отношение вещей, в развёртывании которого осуществляется развитие объективного мира вплоть до возникновения сознания» (Кучевский, 1983, с. 100). Однако это не принципиально: материя содержит отношение материи и сознания актуально или потенциально.

Показательно, что в рамках официального гносеологического подхода можно найти сомнение в нем, призыв, по сути, «не обострять внутренние противоречия». Имеется в виду идея отказа от «субстанции» как якобы метафизической категории. Здесь отрицается правомерность редукции материи к единому общему началу, так как характеристика материи как «основы», «сущности» и т. п. мира есть «моменты метафизического понимания материи» (Материалистическая диалектика, 1981, с. 93). Предлагается под материей понимать просто «объективную реальность», без углубления ее познания до уровня субстанции. «...Нецелесообразно употреблять как синонимы понятия материи и субстанции». «...Материя есть единство субстанции и всех ее акциденций, т. е. атрибутов и модусов» (Материалистическая диалектика, 1981, с. 95). «Объективная реальность» рассматривается как исходный уровень понимания материи. «Вторичным уровнем определения» предлагается система атрибутов объективной реальности (Материалистическая диалектика, 1981, с. 96). Эта двухуровневая конструкция считается развёрнутым онтологическим определением материи. Однако такое решение противоречиво, так как в формуле «материя = субстанция + атрибуты + модусы» категория субстанции нужна по форме, но не нужна по содержанию.

Добавим, что вершиной советского онтологического подхода к материи можно считать монографию В. А. Босенко (2001), опиравшегося на работу В. И. Ленина «Философские тетради». Он использовал в качестве исходного противоречия диалектику бытия и небытия. Однако реализовать эту идею до логического конца ему не удалось, так как В. А. Босенко традиционно для советских онтологов не смог оторвать материю от сознания (Свергузов, 2022, с. 129-137).

Закключение

Доминирующий в советской философии гносеологический подход не признает диалектику бытия и небытия, отрывает их друг от друга, а в центр онтологии ставит гносеологическую диалектику материи и сознания. Путем онтологизации ленинского гносеологического определения материи происходит подмена содержания категории материи понятием «объективная реальность». Анализ официального в советской философии определения материи показывает, что рассмотрение гносеологического, по сути, понятия «объективная реальность» в качестве субстанции наделяет категорию материи гилозоистическим содержанием.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о необходимости реформирования материалистической онтологии. Основанием для этого, как было показано, является неразработанность онтологического подхода, характеризующегося отсутствием онтологического определения материи. Очистить категорию материи от гилозоистического толкования можно только сформулировав определение материи самой по себе.

В качестве перспектив дальнейшего исследования предполагается поиск онтологического определения материи не в плоскости гносеологической взаимосвязи материи и сознания, а в плоскости взаимосвязи материи с онтологическими категориями. На эту роль обоснованно претендуют диалектически взаимосвязанные категории бытия и небытия, фундаментальную роль которых в системе категорий материалистической онтологии отрицать нет оснований. Это принципиально отличается от решения, предлагаемого официальной советской философией, признающей онтологичность диалектики материи и сознания, тождественность бытия и материи и отрицающей фундаментальную онтологичность диалектики бытия и небытия, материалистический характер категории небытия.

Материалы исследования | Research materials

1. Алексеев П. В., Панин А. В. Философия: учебник. Изд-е 3-е, перераб. и доп. М.: Проспект, 2005.
2. Барковская А. В. Материя // Новейший философский словарь / сост. А. А. Грицанов. Мн.: Изд. В. М. Скакун, 1998.
3. Ильенков Э. В. Субстанция // Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. Изд-е 7-е, перераб. и доп. М.: Республика, 2001.
4. Курашов В. И. Начала философии: учебное пособие. Изд-е 2-е, испр. М.: КДУ, 2007.
5. Солопов Е. Ф. Философия: учеб. пособие для вузов. М.: ВЛАДОС-ПРЕСС, 2003.
6. Спиркин А. Г. Философия: учебник для вузов. Изд-е 2-е. М.: Гардарики, 2002.

Источники | References

1. Бажанов В. А., Кудряшова Е. В. О многообразии подходов к пониманию реализма. Размышления о книге «Перспективы реализма в современной философии» // Вопросы философии. 2019. № 3.
2. Борисов В. Н. К обновлению материализма // Проблемы методологии: сборник научных статей, посвященных памяти профессора В. Н. Борисова. Самара: СамГУ, 1998.
3. Босенко В. А. Всеобщая теория развития: монография. К.: Киевский эколого-культурный центр, 2001.
4. Бряник Н. В. Возможен ли путь от политики к философии науки, или к вопросу о допустимости ленинской критики махизма // Новые идеи в философии. 2020. № 7 (28).
5. Емельянов А. С. Ленин и Мейясу: Возможен ли спекулятивный материализм? // Философская мысль. 2024. № 6.
6. Зубков И. Ф. Курс диалектического материализма: научно-методическое пособие. М.: Изд-во УДН, 1990.
7. Казеннов А. С. Диалектика как высший метод познания: монография. СПб.: Политехнический университет, 2011.
8. Кралечкин Д. Enter Speculative Realism // Логос. 2013. № 2 (92).
9. Кучевский В. Б. Анализ категории «материя». М.: Наука, 1983.
10. Ламашкин А. Проблема доисторического: «ископаемая материя» (К. Мейясу) и «природа, существующая до человека» (В. И. Ленин) // Диагностика современности: глобальные вызовы – индивидуальные ответы: сборник материалов Всероссийской научной конференции с международным участием / отв. ред. Ю. А. Разинов. Самара: Самарская гуманитарная академия, 2018.
11. Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм: Критические заметки об одной реакционной философии. М.: Политиздат, 1984.
12. Ленин В. И. Философские тетради. М.: Политиздат, 1990.
13. Маркс К. Послесловие ко второму изданию // Маркс К. Капитал. Критика политической экономии: в 3 т. М.: Политическая литература, 1952. Т. 1.
14. Материалистическая диалектика: в 5 т. / общ. ред. Ф. В. Константинова, В. Г. Марахова. М.: Мысль, 1981. Т. 1. Объективная диалектика / ред. Ф. Ф. Вьяккерев.
15. Мейясу К. После конечности: Эссе о необходимости контингентности / пер. Л. Медведевой. Екатеринбург – М.: Кабинетный ученый, 2015.
16. Орлов В. В. Проблема системы категорий в философии // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2011. № 2 (6).
17. Панченко А. И. Философия, физика, микромир: монография. М.: Наука, 1988.
18. Перспективы реализма в современной философии: сборник трудов / ИФ РАН; под ред. В. А. Лекторского. М.: Канон+, 2017.
19. Пивоваров Д. В. Онтология: материя и ее атрибуты: учебное пособие для вузов. М.: Юрайт, 2020.
20. Свергузов А. Т. Диалектический материализм: взаимосвязь категорий «материя» и «небытие»: монография. М.: Инфра-М, 2022.
21. Свергузов А. Т. Несамостоятельность онтологии в отечественной философии // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. 2026. № 1.
22. Свергузов А. Т. О соответствии советской онтологии идеям В. И. Ленина // Философская мысль. 2025. № 10.
23. Солопов Е. Ф. Вопросы методологии материалистической диалектики: монография. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1971.
24. Тугаринов В. П. Избранные философские труды. Л.: Изд-во ЛГУ, 1988.
25. Философия науки: учебное пособие для вузов / под ред. А. И. Липкина. М.: Эксмо, 2007.
26. Шептулин А. П. Система категорий диалектики: монография. М.: Наука, 1967.
27. Badiou A. Logic of Worlds: Being and Event II. N. Y.: Continuum Press, 2009.
28. Cohen J. Speculating the Real: On Quentin Meillassoux's Philosophical Realism // The Legacy of Kant in Sellars and Meillassoux: Analytic and Continental Kantianism / ed. by F. Gironi. L.: Routledge Press, 2017.

Информация об авторах | Author information

Свергузов Анвер Тяфикович¹, к. филос. н., доц.

¹ Казанский национальный исследовательский технологический университет

Anver Tyafikovich Sverguzov¹, PhD

¹ Kazan National Research Technological University

¹ atsverguzov@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 23.04.2026; опубликовано online (published online): 26.08.2026.

Ключевые слова (keywords): советская философия; диалектический материализм; онтологический подход к материи; гносеологический подход к материи; объективная реальность; Soviet philosophy; dialectical materialism; ontological approach to matter; epistemological approach to matter; objective reality.